

АННА
ВЛАДИМИРОВА

СЛЕПАЯ ЗОНА

18+

Анна Владимирова

Слепая зона

<https://litres.ru/74563589>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Наир, я хочу ходить в бойцовский клуб

Я смотрю на сестру сквозь пелену усталости. После ночной смены в больнице ноги гудят, голова болит и едва соображает.

— В какой? — тихо спрашиваю я, подпирая голову и подтягиваю к себе чашку с кофе.

— В новом доме открылся. Недалеко. И там тренер классный работает.

Я протираю глаза и заставляю себя сфокусироваться на лице своей четырнадцатилетней сестры. Станный интерес. С чего вдруг?

— Что за тренер?

— К нему очередь стоит, но девчонок он берет в группы без очереди, я узнавала. От него пацаны в нашем классе в восторге, столько разговоров о нем! Он слепой, представляешь?

Анна Владимировна

Слепая зона

Глава 1

Рубен нахмурился еще до того, как Наиля рассказала ему о своем желании заниматься единоборствами. Как и всегда. Выслушал он ее вообще без всяких эмоций, побалтывая виски в бокале и глядя в мобильник. А мы тау и стояли с сестрой перед его столом в кабинете, ожидая вердикта.

— Нет, — выдал он, наконец, не подняв глаз.

— Почему?! — вспылила Наиля.

— Нет, я сказал, — процедил он, все же подняв недовольный взгляд на сестру. — Не женское это дело кулаками махать. Я все сказал.

— Рубен, — спокойно позвала я, — мы живем в такое время, когда ты не всегда сможешь постоять за Наиру. Ей будет спокойнее уметь защищать себя самой. Ей хочется чувствовать себя в безопасности...

Брат медленно перевел взгляд на меня. Я всегда могла подобрать слова, найти подход к нему, и это его бесило.

— У меня к тебе есть разговор, — сменил он тему. — Наиля, выйди.

— Сначала ты разрешишь мне пойти на тренировки! —

выпала она и усталилась на Рубена с вызовом, сложив руки на груди.

Характер у сестренки был непокорный. Она ничуть не боялась Рубена, перечила ему при любой возможности, отстаивала свое право на мнение. И я ей очень гордилась, хоть и тревожилась за нее. Все же в четырнадцать лет ее мир очень хрупкий. Я это знаю, как никто другой. Все может измениться за несколько секунд...

— А ну рот свой закрыла, — включил брат быка, — и вышла! Узнаю, что ходишь без моего разрешения, выпорю!

— Наиля, — я заключила сестру в объятия и посмотрела ей в глаза, — дай время, хорошо?

— Никакого времени, — вставил Рубен. — Мое слово в нашей семье — закон. Если кто-то из вас в этом сомневается, у нас будет другой разговор. Вам ясно?

— Иди, — тихо попросила я, продолжая смотреть сестре в глаза. — Все хорошо...

Наиля раздувала ноздри, гневно сверкая глазами, но все же кивнула и вышла. А я повернулась к Рубену.

— Ты с ней очень строг, — заявила я, сложив руки на груди.

Этот жест всегда напоминал ему, что меня все эти семейные ценности уже давно не касаются. Это Наиле он может демонстрировать главу семейства, а со мной это не работает. Шрам многое у меня забрал, но и дал немало...

— Если я не буду строг, она завтра спутается с кем-то и

пойдет по рукам, — возразил он своей штампованной фразой.

— У Наили масса вариантов между «сидеть дома и рожать детей» и «пойти по рукам». Она у нас девочка хорошая и умная, уверена, что выберет правильно, если мы с тобой будем рядом. Нам стоит доверять ей больше...

Рубен выпрямился в кресле, давая понять всем видом, что для него все эти разговоры — пустой звук.

— Наира, мне почему нужно тебе каждый раз напоминать, кому и чем ты обязана? — раздраженно потребовал он. Завел свою обычную речь, чтобы вернуть себе чувство превосходства. — Я жалел тебя всю жизнь, и ты почему-то стала воспринимать это как слабость...

— Я просто хочу, чтобы Наиля не чувствовала себя одинокой без поддержки семьи, — снова спокойно возразила я. Я умела разговаривать с неадекватными. Работа у меня была такая. — Она — подросток, живет в современном мире, и, чем больше ты будешь пытаться ее удержать, тем больше она будет сопротивляться. Окажи ей поддержку, и у тебя не будет проблем с тем, чтобы она к тебе прислушивалась...

— Тогда давай так, — и он подался вперед, откладывая телефон. — Ты делаешь одолжение мне, а я разрешаю Наиле сходить на тренировку куда там она хочет.

— Что за одолжение? — нахмурилась я.

— Присядь, — указал он взглядом на кресло напротив.

Я повиновалась.

— Тебе уже двадцать семь, Наира, — начала он издалека, — и семью ты заводить все не спешишь. Поэтому, я решил взять этот вопрос на себя.

Я выпрямилась в кресле, напрягая чуть ли не каждую мышцу, и отвела взгляд. А Рубен продолжал:

— У меня есть партнер. Хороший человек. Ты, может, видела его даже — Заур Имаров...

— Не видела.

— Он вдовец уже как полгода. Ты ему приглянулась.

— И в чем одолжение?

— Ты встретишься с Зауром, а я отпущу Наилю на тренировку.

— Ладно, — выдавила я.

— Наира, и не только встретиться, но серьезно рассмотреть вариант выйти за него замуж. Поняла? Нужно уже повзрослеть и что-то решить со своей жизнью...

— Как ты себе это представляешь с моим лицом? — вперила я в него свой взгляд, и его собственный дрогнул.

— Зауру все равно.

Я чуть не рассмеялась.

— Никому не все равно, — холодно процедила я.

— Я все сказал, — отрезал он. — Хватит себя жалеть! Подотри сопли, приведи себя в порядок, и завтра вечером поужинаешь с ним.

— У меня смена.

— Нахрен твои смены! — вспылil он. — Толку от этого

нет никакого!

Я сжала зубы.

— Значит, отпускаешь Наилю? — уточнила я.

— Да, отпускаю. Если ты улыбаешься Зауру на свидании и стараешься ему понравиться еще больше, поняла?

— Поняла.

И я уже поднялась и направилась к двери, когда он бросил мне в спину:

— Ты же бережешь себя, я надеюсь?

Я не обернулась:

— Конечно.

— Хорошо.

Наиля ждала у дверей кабинета.

— Пойдем, — взяла я ее за руку и повела в нашу комнату.

— Что он тебе сказал? — насупилась сестра, когда я закрыла за нами двери спальни.

— Что ты пойдешь на тренировку.

— Я все слышала! Рубен тебя хочет за какого-то своего друга выдать замуж! — пыхтела она, не собираясь радоваться разрешению.

— Просто встретиться, — отмахнулась я и притянула сестру к себе. — Ничего, встречусь. Так встречусь, что этот друган еще и доплатит Рубену, чтобы тот забыл о своих ожиданиях.

Наиля улыбнулась.

— Рубен только будет злиться.

— Ну и что? Что он мне сделает? — легкомысленно усмехалась я. — Когда там тренировка?

— Сегодня в семь.

— Тогда пора собираться.

— Ты со мной пойдешь?

— Конечно. Хочу посмотреть, что это за тренер такой выдающийся...

Наиля склонилась к моему уху:

— Может, на мотоцикле поедешь?

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, провожу тебя пешком.

— Ладно. Но ты такая красивая, когда едешь на нем...

Я приложила палец к губам, улыбаясь.

— Спасибо, — прошептала, и Наиля обняла меня. — Пошли собираться...

Я щелкнул выключателем и вслушался в гудение ламп под потолком. Дальняя левая снова не зажглась. Черт. Новый зал, называется. Бросив сумку, я прошел вдоль стенки к скамейке, «рисую» для себя пространство — напоминал себе его размеры, проверял, не валяется ли чего... Когда прошел весь периметр, лампа, наконец, зажглась. Я усмехнулся и покачал головой.

О том, что уборщица Наталья Ивановна возится в своей кладовке, я узнал еще до того, как поднялся на этаж. Женщина страдала от лишнего веса и дышала очень шумно, да и

запах ее я слышал, к сожалению. Когда она направилась ко мне, я отметил, что с ее левым коленом, видимо, совсем все плохо — припадает она на него сильнее обычного. И пыхтит громче.

— Ян, привет, это Наталья Ивановна, — громко возвестила она на подходе.

— Добрый вечер, — спокойно отозвался я.

— У тебя уже все вымыто, как обычно, — педантично сообщила она.

— Спасибо. Вы снова постарались, — заметил я, не скрывая недовольства.

Я чувствовал, что вымыто. Благоухало хлором тут так, что глаза слезились и в носу пекло.

— Про то, что хлором ты просил не мыть, я помню, — недовольно буркнула Наталья Ивановна, — но по саннормам нужно!

— По санитарным нормам вы превышаете дозировки, — процедил я. — У одного моего ученика аллергия на хлорку...

— Давай я проветрю...

— Я сам, не утруждайтесь. Берегите левое колено.

И я направился через зал к окну.

Наталья Ивановна озадаченно задержала дыхание, вероятно, глядя мне в спину.

— А ты откуда про колено знаешь? — усмехнулась она, когда я вернулся за сумкой. — Слышал от кого-то что ли?

— Да, слышал, — нехотя ответил я, подхватил сумку и направился в раздевалку вдоль стенки.

Слышал ее смехоз поззди. И как она долго пыхтела в коридоре, направляясь к лифтам. Мне бы, конечно, поменьше рисоваться. Обычные люди так уверенно себя не ведут, оставшись без зрения. Но хотелось начхать на обычных людей и делать то, что нравится. Просто жить так, как мне доступно...

Я поставил сумку на скамейку в раздевалке, прислушался. Здесь Наталья Ивановна не убралась, хотя я тоже просил ее делать это каждый раз, а не один раз в неделю. Стянув толстовку, я нащупал ключ в своем дверном шкафу и принялся складывать вещи, концентрируясь на ощущениях. Ненавидел тишину, хотя она вовсе не была для меня таковой. Мне нужно было напоминать себе, что она безопасна, что я — все еще живу, чувствую...

— Ян Денисович! Вы там?

— Да, Марк, — отозвался я громко.

— А тут новенькие!

— Сейчас подойду... — озадаченно пробурчал я, направляясь внутри.

Новые люди в зале для меня всегда непросто — нужно будет запомнить запах, голос, звук дыхания, рост и вес. И это — лишь малая часть. В группах у меня было не больше семи человек, но в этой вчера ушел один мальчишка. Видимо, слухи разошлись быстро.

— Ян Денисович, — послышалось за дверью, — а это девочка. Две.

Я напряженно вздохнул, затянул шнурок на спортивных штанах и направился из раздевалки. Судя по запаху, пришел не только Марк, но и Коля с Семеном, Глеб...

— Проходите раздевайтесь, — скомандовал я ребятам, и, когда они просквозили мимо с тихим «здравствуйте, Ян Денисович», я направился к двери.

— Мы здесь, — послышался женский голос, и я повернул голову в сторону посетительниц. — Здравствуйте...

Одна оказалась очень близко. Старшая, вероятно. Лет... двадцать пять, наверное. Без вредных привычек, пахнет больницей и бензином. Странное сочетание. Вторая стояла дальше, но я почему-то не хотел переключаться на нее. Все мои оставшиеся чувства взбудоражило этой, которая находилась ближе.

— Я — Наира, — представилась она, не дождавшись ответа.

— А я — Наиля, — вставила вторая.

Голос младше, но что-то в нем есть — настойчивость, решительность. На обеих не мало одинаковых запахов еды, животных... Видимо, живут вместе.

— Ян, — представился я холодно, — я не занимаюсь с женщинами.

Произошла заминка. Шорохи одежды рисовали мне резкие движения, с которыми старшая обратилась к младшей:

— Ты же говорила...

— Я знаю, что Влад вчера ушел из этой группы, — заговорила бойко Наиля. — Я хочу у вас учиться, Ян Денисович! Очень!

— Я не занимаюсь с девочками, — повторил я непреклонно.

— Почему? — потребовала мелкая.

Почему-то казалось, что роста она небольшого, потому что привыкла громко лаять, чтобы ее замечали. Или сопротивление у нее где-то в близком кругу общения... Может, отец? Я протянул руку и четко положил ладонь ей на голову, определившись за время болтовни с ее точным положением. Нет, рост у нее достаточный. Значит, противостоит кому-то...

— Мне приходится трогать парней, — объяснил я. — А тебя я трогать не имею права.

— Да кого это волнует? — буркнула Наиля.

— У меня могут быть проблемы...

— Я надену моточерепаху сестры, и трогайте меня, сколько влезет! — не сдавалась она. — Я хочу у вас учиться! Я видела, как Влад дал отпор пацанам из старшего класса, которые его вечно задирали! Я хочу также! Хочу уметь давать отпор!

— Наиль, — услышал я голос Наиры, — не всегда драться — выход...

— А он и не дрался! — горячо возразила она. — Он про-

сто руку перехватил у дебила, который на него замахнулся, и заставил его встать на цыпочки! Не дрался он! Он точно знал, как избежать драки всего несколькими движениями! Я хочу также! Хочу уметь избегать драки, но точно знать, что на меня никто не поднимет руку и не обидит!

— Я понял... — попытался я прервать поток эмоций девочки, но она не давала мне шанса:

— Ян Денисович, моточерепаха закроет все, до чего вы могли бы дотронуться! Я надену тупо один нагрудник! Без рукавов!

— Можно твою сестру на пару слов с глазу на глаз?

— Как вы поняли, что мы сестры? — спросила Наира, когда Наили вышла из зала.

— Что за проблемы у нее, что она так боится не дать кому-то отпора? — проигнорировал я ее вопрос.

Девушка напряженно вздохнула. Устало, кстати. Дыхание учащенное, сердцебиение — за сотню...

— К сожалению, есть обстоятельства. Семейные, — заговорила она, и тоже решительно, без оправданий. — У Наили и меня есть старший брат, который кажется ей угрозой.

— Видимо, она считает, что ей не кажется...

— Послушайте, Ян, я могла бы сопровождать Наилю на тренировки, подписать вам необходимые документы и правда надеть на нее защиту... Мы могли бы как-то решить эту проблему?

Я молча слушал. Но не потому, что меня интересовало ее

предложение. Я проваливался в ее голос и запах. Она говорила, а для меня все ярче проступал образ... и я позволил ему вгрызться в мой мозг.

Моей главной проблемой было не то, что я не вижу. А то, что я «вижу» слишком много. Приближаясь к кому-то, я осознанно пытался закрыть все пути разномастной информации, которая начинала литься на меня потоком. Я захлебывался пониманием всего, что происходит с человеком. Это причиняло физическую боль — меня начинала мучить мигрень с цветными аурами, и это было едва выносимо. Но здесь я просто не мог остановиться, открываясь для этой незнакомки полностью. Потому что, чем больше я «видел», тем больше мне хотелось «смотреть».

Эта молодая женщина передо мной слеплена из обрывков кожи и мяса, разорвана в клочья и собрана заново. Собственноручно. Это чувствуют даже люди. Они называют это «сильной аурой». Всех она притягивает, но не все понимают, как она достается. А достается она через полное разрушение. Наира не боится того брата, в котором Наиля чувствует угрозу. Скорее всего, это он опасается сестру. А Наиле просто хочется разделить с Наирой тяжесть ноши, стать опорой и облегчить страдания. И уж точно не позволить старшему брату ее обидеть, когда придет это время. Если только этого уже не происходило. Дерьмово. История этих девушек была по больному так, что сопротивляться было невыносимо.

Если бы я мог коснуться сейчас Наиры, я бы почувствовал

сухую мускулатуру под пальцами на ее плечах, сжатые зубы в напряжении ее скул, собранные волосы на затылке...

— На каком мотоцикле вы ездите?

— Что? — тихо выдохнула она.

А я понял, что слишком увлекся. Меня затянуло в Наиру настолько, что я даже не слышал, как в зал пришли остальные ребята и направились в раздевалку. Наиля с ними здоровалась, будто бы уже точно знала, что я ее приму.

— Просто стало интересно. — Собственный голос охрип.

— Давайте сделаем так, как вы предложили. Я возьму вашу сестру. Вы сами, как понимаю, тоже чем-то занимались?

— Откуда вы знаете?

— Слышу по голосу.

— Да, я занималась разными видами единоборств, — растерянно ответила она.

— Занятия у нас три раза в неделю.

— А можно вопрос?

— Конечно.

— Вы все это время почти безошибочно смотрите мне в глаза.

— Прямо безошибочно?

— Взгляд расфокусирован, но...

— И защиту тоже подберите ей, — перебил ее я. — Без вас я Наилю на занятие не приму.

— Хорошо. А можно ваш контакт?

— Да. — И я продиктовал ей номер.

— Спасибо большое, Ян Денисович! — восторженно пропищала Наиля.

— До свидания. — Голос Наиры выцвел, наполнился жесткостью и силой. А это значило, что в эти короткие мгновения она признала мое превосходство и поддалась на мои условия, что происходит непривычно редко для нее. И это тонкое умение чувствовать других завершило ее картинку в моей голове.

Когда они ушли, я вошел в зал, но образ Наиры так и стоял перед глазами, мешая сосредоточиться. Я все никак не мог «разглядеть» подопечных, сконцентрироваться на них. Даже не знал, кто именно пришел.

— Построились, представились, — скомандовал я, хлопнув в ладоши.

Мальчишки задвигались по залу, и, когда пошла переключка, я, наконец, собрал их образы в голове и смог «видеть» каждого. Когда ребята пошли по залу, я выцепил одного и притянул к себе:

— Саш, курил?

— Нет, тренер, — испуганно ответил тот, а я приняхался. Не врет. Шел мимо группы курящих, видимо.

— Прости, показалось. Вставай в строй.

И я сложил руки за спиной, прислушиваясь к шагам каждого босиком по мату. Все налаживалось, контроль возвращался, а о том, что согласился взять двух девчонок к себе на занятия, я уже жалел. Если одна из них будет каждый раз

меня так разматывать... то ничего не останется, кроме как учиться с этим справляться.

— Ты видела? — воскликнула сестра восторженно, когда мы вышли на улицу. — Офигеть, какой классный!

Я же ее восторга не разделила.

— Ты почему мне наврала? — хмуро потребовала я.

Наиля замерла напротив на ступеньках и покаянно на меня посмотрела:

— Мне очень хотелось к нему попасть. А я знала, что ты решишь с ним этот вопрос. Ты всегда все решаешь.

— Наиль, так нельзя, — покачала я головой, глядя ей в глаза. — Это подстава. Ян Денисович уязвим, он — инвалид. И давить на него — беспринципно...

— Ты не давила, — возразила малявка. — Ты привела ему аргументы, и он согласился с ними.

— Все равно это было неправильно. Он явно хороший человек, понимающий, а мы с тобой эгоистично воспользовались этим.

— Наир, ну что такого? Надену я твою «черепашу», и не буду отличаться от его пацанов в группе! Никаких проблем не будет!

— Не думаю, что необходимость к тебе прикасаться — единственная проблема. Ты слабее, ты — девочка. Возможно, ему будет сложно контролировать твои спарринги, и он переживает о том, что ты больше травмируешься, чем на-

учишься...

— Тогда бы он именно это и сказал, а он сказала другое. И в результате согласился, — парировала Наиля непринужденно. — Мы ничего не сделали плохого. Просто договорились.

Я и сама не поняла, зачем я вообще начала договариваться. Зло вздохнув, я подала ей руку, и вместе мы побрели домой. Я шла, погруженная в мысли о человеке, который оказался слишком незаурядным. Я не ожидала увидеть такого молодого мужчину. В его обществе становилось жутковато. Он будто бы и смотрел сквозь, но на самом деле проникал своим взглядом куда-то глубже. Как он так ориентируется, если не видит? Еще сразу все вычислил — и то, что мы с Наилей сестры, и что у Наили проблемы с братом... Это пугало. И притягивало. Да, наверное, меня зацепила вся эта история. Я не встречала таких людей, чтобы сразу стало настолько интересно.

— Может, ты тоже у него потренируешься? — подала голос Наиля.

— «Черепеха» у меня только одна, — рассеяно возразила я.

Очень хотелось посмотреть, как у него проходят тренировки.

— Да ты-то взрослая...

— Ну и что? Он сказал, что должна быть в «черепехе».

— Блин, так не хочется домой, — простонала Наиля, пряча ладони в курточку. — Смотреть на лицо Марины уже

осточертело...

— Слушай, влюбишься ты — посмотрю я потом на твое лицо, — усмехнулась я.

Но, на самом деле, я понимала, почему Наиля не хочет домой. Она устает от напряжения, которое создает присутствие там Рубена.

Глава 2

— Та ну, Наир, в кого там влюбляться? — отмахнулась она. — Это нужно мозга не иметь, чтобы влюбиться в Армена.

— Я очень рада, что у тебя достаточно мозга, чтобы это понимать, — одобрительно усмехнулась я. — Но в этой семье мы с тобой только улыбаемся и машем.

— Я не хочу быть в этой семье, — буркнула она. — Достало.

Я сжала губы и напряглась, глядя себе под ноги. Прохладный весенний вечер продирался под куртку пронзительным ветром, лупил в лицо сыростью и чавкал под ногами лужами. В такую погоду должно хотеться домой, как никогда. Но Наиля не хотела.

— Пошли в «Ромбик» посидим? — предложила я.

— Ты же устала, — глянула она на меня виновато. — А я еще втянула тебя в эту историю.

— Я уже расходилась, и все равно не усну, — и я приобняла ее за плечи. — Пошли.

— Ну, пошли, — просияла она.

И мы свернули в сторону маленького кафе на углу квартала, где пекли вкусные булки и готовили любимые коктейли сестры.

— Вот стукнет мне восемнадцать, — строила планы Наиля, сидя за столиком и подперев голову руками, — я сразу же свалю из дома дяди. Мы вместе свалим, Наира. Потому что я тебя свяжу, закину все твои вещи в грузовик и вывезу тебя силой.

— Лучше в пикап, — поправила я серьезно. — Мотоцикл-то не бросить...

— Там посмотрим. Не понимаю, почему ты держишься так за то, что нам поперек горла стоит?

— Потому что нас там обеспечивают. Я не могу содержать нас обоих.

— Ну, вот вырасту и сама буду себя обеспечивать. Будем жить вместе, да?

— Это хороший план, — одобрила я без энтузиазма, и Наиля сдулась.

За соседним столиком сидели двое мужчин и бросали на меня взгляды. Наиля бросала им вызов своим.

— Че они пялятся? — петушилась привычно она.

— Потому, что у меня уродский шрам на лице, — спокойно ответила я. — Ешь булку и не задирай никого.

— Дядя Ашот не обеспечивает нас, — вернулась она к разговору, — он не относится к нам, как к своим детям. Свадьба его дочери будет стоить столько, сколько стоило бы все

твое обучение в мединституте. А вместо этого они оплатили тебе только медколледж.

— И уже за это можно быть им благодарными, — устало возражала я. — Бросили бы они нас всех в детском доме, то и этого бы у нас не было.

— Они используют нас как прислугу, ты же видишь, — не унималась сестра. — Сначала убиралась в их доме ты, потом — я.

Я сжала зубы. Тема моей учебы и жизни в доме дяди была очень болезненная. В моем возрасте, наверное, уже и нету смысла получать высшее образование в медицине. Оставалось только работать медсестрой. И сожалеть об отсутствии возможностей и упущенном времени. И это Наиля многого не знает. Когда я была в ее возрасте, дядя Ашот открыто мне сказал, что не будет оплачивать мое высшее образование. Я должна была по его задумке либо удачно выйти замуж, либо остаться в его доме и наводить там порядок, как прислуга. Первое вряд ли он рассматривал серьезно, ведь с таким лицом я никому не далась...

— Понимаешь, не всегда человеку нужно ползти на самую вершину, — тихо заговорила я. — Да, мне было жаль, что я не смогла позволить себе учебу на врача, но сейчас у меня все складывается нормально. Я занимаюсь любимым делом — работаю с людьми...

— Ты работаешь с ними только потому, что тебе нужно носить там маску, — вставила Наиля. — А вот если бы тебе

убрать шрам...

— Нет, — терпеливо возразила я, — не поэтому. Я просто получаю удовольствие от своей жизни. Беспокоит меня сейчас только твоя жизнь. Я хочу, чтобы у тебя все сложилось иначе. Ты прекрасно учишься, уверена — поступишь на бюджет. И тогда сможешь спокойно уехать из дома дяди, чтобы никого там больше не видеть.

— А ты? — непонимающе уставилась она на меня.

— А я буду ездить на мотике к тебе после работы, — улыбнулась я.

— Да, ты круто едешь на мотике, — мечтательно улыбнулась она. — Я тоже буду. И буду также бить тех, кто меня и тебя обидит. Как ты бьешь.

Я только покачала головой.

— Короче, все у нас нормально. Могло быть гораздо хуже.

— Еще бы Рубена у нас не было, — вставила Наиля.

— Знаешь, когда будет тебе восемнадцать, ты будешь думать совсем иначе.

— Не буду.

— Вот посмотрим.

На самом деле, все действительно было сложнее. Наиля не знала, но Рубен однажды нашел меня, когда я сбежала. И доходчиво объяснил, что я — его сестра и должна делать то, что обязана. А именно — быть хорошей уважаемой женщиной и не позорить память родителей. И его репутацию. Когда Рубен притащил меня с синим от побоев лицом назад, дядя

Ашот только хмыкнул. Они не защитят ни меня, ни Наилю. Это я тоже усвоила. Поэтому откладывала деньги на ее будущее. Нет, не с зарплаты медсестры, конечно же. Я вела и монетизировала успешный мотоблог, в котором никогда не показывала своего лица полностью. Это давало мне не только дополнительные средства, но и нечто большее.

Свободу.

От страха.

Главные выводы, которые я сделала — нужно бить сильнее и больнее, чем умеет бить Рубен. Поэтому я посвятила несколько лет тому, чтобы этому научиться. А еще надо драпать быстрее, поэтому теперь у меня есть мотоцикл. А также сложенная дорожная сумка наготове, второй шлем для Наили и запас денег на первое время. Мало ли...

— О, тетка звонит, — проворчала Наиля, бросив взгляд на мобильный. — Але! Я с Наирой. Рубен нас отпустил на тренировку. Да. Скоро. Хорошо. Уроки сделала. Уберу, да.

— Пойдем? Помогу тебе сегодня с уборкой.

— Лучше видео новенькое сделай, — усмехнулась она ехидно. — Где ты катаешь красиво.

— Уберемся, и сделаю...

— Блин, они бы все подавились завистью, когда узнали бы, какая ты крутая на самом деле... Я хочу посмотреть на их лица, когда это случится.

— Не скоро.

— Ладно-ладно.

Настроение немного поднялось. Мы вышли на промозглый ветер, взялись за руки и направились домой.

— Слава, — я провел руками над парнем, коснулся его ноги, определил для себя позицию стопы на корпусе партнера по спаррингу, — бьешь куда придется, не целишься... Еще раз.

Я отошел на пару шагов, и парни продолжили спарринг. Обменялись ударами в корпус, увеличили дистанцию, Слава провел серию ударов ногой, и Марка отбросило на пару шагов.

— Хорошо.

Я всегда стоял в нескольких шагах от парней, внимательно слушал их и четко «видел» картину происходящего. Я не знал, как это работает, но это пришло со слепотой. Не сразу. Чем больше я хотел жить, тем быстрее мое тело и мозг адаптировались к новой реальности. Недостаток зрения компенсировался другими чувствами, и вскоре я начал «видеть», как художники видят картины, которые еще не нарисованы. Они говорят, что мозг рисует гораздо быстрее рук, видят линии, композицию... Так и я собирал все, что удавалось, концентрировался на происходящем и получал полный образ в голове — как двигались парни, чего им стоило очередное усилие, как менялся их запах с течением боя, как учащался пульс... Я точно мог сказать, в какой момент возникла проблема с техникой боя, а руками водил только лишь для вида.

— Слава, быстро выдыхаешься, — заключил я, когда спарринг закончился, и оба подошли ко мне. — Марк опытной, он тебя изматывает, а ты хочешь быстрее закончить бой, ударив посильнее. Стратегия рабочая. Но не со всеми. Есть вопросы?

— Нет, тренер, — синхронно отозвались оба.

— Хорошо, тогда построились.

Мое внимание привлек посторонний шум у дверей. Кто-то тихо прошел по коридору и застыл на входе, приоткрыв одну створку.

— Всем спасибо сегодня, все хорошо поработали. Если есть вопросы — подходите. У кого вопросов нет — всем хорошего вечера.

— Спасибо, тренер! — грянули подопечные.

Традиционно, вопросы у мальчишек были, но, как правило, не по технике боя.

— Тренер, можно? — услышал я рядом.

— Да, Федор.

Мы уселись с ним на пол друг напротив друга. Неподалеку ожидало еще двое парней. А, нет, уже пятеро. Привычно. Я никогда не уходил домой вовремя и был этому чертовски рад.

— Тренер, а можно ребята подальше отойдут? — понизил голос Федор.

— Ребята, обеспечьте нам приват, пожалуйста, — повысил я голос.

— В общем, я насчет отчима, — заговорил Федор, когда нас стало не слышно. — Кажется, мы с ним ладим...

У мальчика была проблема с семьей. Отец погиб два года назад, и Федор едва не пустил жизнь под откос. Но потом попал ко мне, а спустя некоторое время мы разговорились, и он признался, что осознает свое неправильное поведение. Отчим у него оказался неплохим человеком с его слов. И Федор стал видеть это. Перешел в десятый класс без троек, готовился к поступлению в ВУЗ. Я был очень рад слышать о его успехах.

— Он предлагает съездить вместе в Питер. Мне очень хочется. Но что-то останавливает. Мне кажется, что я забываю папу, и от этого плохо становится...

Я вскинул руку, поводит ей для вида и положил ее на плечо мальчишке. Он тихо плакал.

— Так мы устроены. То, что тебе кажется предательством, на самом деле лишь ощущение затягивающейся раны на душе. Это нормально. Ты никого не предаешь. Ты всегда будешь его помнить. Позволь эмоциям быть, Федь. Не стыдись слез.

Послышался сочный шмыг носом.

— Если не готов, то поговори с отчимом. Думаю, он все поймет.

— А, может, поехать...

— Можешь и поехать. Если действительно этого хочешь.

— Спасибо, тренер.

— Пожалуйста.

Нет, в психолога я не играл. Бывало, что моим подопечным нужна была квалифицированная помощь. И на этот случай у меня была поддержка. Честно говоря, когда я услышал женские шаги в коридоре, подумал, что это именно она пришла меня навестить. Но я ошибся.

Когда парни покинули зал, я выжидательно замер, повернувшись к дверям:

— Долго вы будете молчать? — повысил голос.

— Ян Денисович... — пискнули от входа неуверенно.

— Я знаю, как меня зовут, спасибо...

— Простите... — голос женский, юный и очень робкий.

Пришлось придержать раздражение. То, что я принял за наглость, оказалось просто нерешительностью.

— Ян Денисович, меня зовут Анна Колосова, — крикнула посетительница от двери, — я — репортер канала Прайм-ТВ.

— Что вы хотели? — не приветливо поинтересовался я.

— Ян Денисович, у меня сын к вам ходит заниматься, и мне бы хотелось написать о вас статью...

Я направился к репортерше, выставив вперед руку, и она решила, что это — просьба о рукопожатии — схватилась за нее нерешительно:

— Петя Колосов к вам ходит, помните?

— Конечно. Ходил пару месяцев назад.

— Как? — удивленно выдохнула она.

— Он не ходит два месяца уже.

Дыхание репортерши участилось.

— А мне говорит, что... у вас занимается, — пролепетала она растерянное.

Стало жаль ее. По-человечески. Но ненадолго.

— Он не особо хотел заниматься, приходил всего на пару занятий, одно из которых просидел на скамейке, — сообщил я холодно.

Она прерывисто вздохнула.

— Но он так... — начала она и замялась. — Все же, о вас ходят легенды, пусть и мой сын использовал это в своих целях. Что скажете, могли бы дать мне интервью?

— К сожалению, нет, — отрезал я.

— Почему же? — снова сникла она.

— Потому что мир слепого человека очень сложен. Мне проще, когда он остается привычным. Лишняя огласка — лишние люди, которые могут начать ходить, чтобы посмотреть на меня, как на аттракцион. Я такого категорически не допускаю. И прошу меня понять.

— Ладно, — совсем выцвел ее голос, — я понимаю, простите.

— До свидания.

И я направился в раздевалку. Не любил это время жутко — вечер, когда нужно добираться до норы сквозь трафик столицы. Но для этого у меня было специальное устройство. Нет, я бы мог и сам найти путь, но с человеческими девай-

сами моя жизнь стала все же проще. Я переоделся, нацепил наушники и запустил программу навигации.

— Домой? — спросил электронный голос.

— Домой, — подтвердил я.

Когда я вышел на улицу, программа принялась меня направлять:

— Направо, до светофора пятьдесят три ваших шага.

Считать не было необходимости — программа все равно четко отслеживала мое положение. Да и сам я ориентировался нормально. В городе на меня обрушивались потоки разномастной информации со всех сторон. Я не придавал значения всему потоку, а лишь выделял те, которые обеспечивали безопасное движение.

— Светофор через раз, два, три. Стоп.

Думаю, мало кто вообще замечал, что я ни черта не вижу. По крайней мере, в толпе, которая превращалась в поток ближе к станции метро и вливалась в здание, мало кто имел шанс что-то понять. Я предпочитал устремлять взгляд выше, чтобы не давать подсказок. В вагоне метро тоже редко приходилось протягивать руку — расстановка людей читалась для меня легко.

— Вы выходите? — пропыхтел взрослый мужик слева.

На самом деле, я давно вжался в стенку, понимая, что он вот-вот начнет эвакуироваться — так часто он дышал рядом. Так и хотелось съехидничать, что слепой «видит», что он собирается выходить, а зрячий не понимает, что задает глупый

вопрос. Но я в очередной раз просто стиснул зубы и мотнул головой.

Я стал злым. И нетерпимым к другим. Когда ты точно знаешь, на что способен человек в сложной ситуации, уже не можешь с пониманием относиться ко всем подряд. Пусть я и не был человеком.

Чем ближе становилось к моей станции, тем больше пустел вагон, а к концу моего пути стало совсем тихо, и только звук движущегося поезда заполнял уши. Когда я вышел со станции и поднялся к выходу, у меня зазвонила мобилка.

— Кирюха, — подсказал голосовой помощник в наушниках.

Я нахмурился.

— Але, — принял звонок.

— Я у подъезда. Ты далеко?

Почему-то захотелось вывернуться, что надо было бы позвониться заранее, а не уведомлять, что уже у подъезда. Но я сам виноват. Забыл, что у нас сегодня встреча. А, кроме того, в результатах этой встречи прежде всего сам я и заинтересован.

— Десять минут и буду.

— Давай, жду.

Кирюха выводил меня раз в неделю вечером в лес. Обычно я ждал этой встречи. Все же было приятно с кем-то поговорить, сбегая от своей привычной тишины. Наверное, я больше злился, что мне нравились такие вечера. После них

особенно тяжело возвращаться в свое одиночество.

— Жратва в машине, кофе — тоже. И даже мясо. Сегодня празднуем.

— И что же празднуем? — усмехнулся я, понимая, что голос, который он подал издали, специально для меня, хотя он и не звал меня по имени.

— Большую победу, старик, — и он обхватил мою руку, крепко ее пожимая, — купили у меня программное обеспечение, которое я на тебе испытывал.

— Поздравляю, — улыбнулся я.

— Прыгай на пассажирское. Или поведешь?

— Ну, ты еще такого обеспечения не разработал...

Я уселся в машину, в которой действительно одуряюще пахло маринованным мясом и осетинскими пирогами.

— Голоден? Дать пирог? — И он, не дожидаясь, поставил мне на колени коробку.

— Спасибо.

— А еще у меня к тебе будет дело сегодня...

— Ага, то есть, в лесу мы будем дольше обычного, а шашлык — взятка?

— Типа того. Я сделал модель программы, которая может помочь тебе двигаться в звере по лесу.

— Умеешь удивлять...

— Ты ешь-ешь пирожок, двигаться придется сегодня много.

Я широко улыбнулся.

Мы познакомились с Кирюхой в центре реабилитации пять лет назад. Меня туда привезли после того, как наскоро подлатали в госпитале. Кирюха — человек и технический гений. Он тогда только начинал работать при реабилитационном. Самому ему тоже пришлось нелегко. Обстоятельства, при которых он перешел под юрисдикцию реального мира, едва не убили его. Какое-то время мы лежали в палате вдвоем, и это определило дальнейшую судьбу обоих. Сегодня я пользуюсь его программой навигации. А в его планах, похоже, взять новую вершину.

Я открыл коробку с ароматным пирогом и устроился с удобством на сиденье.

Когда мы вернулись, обнаружили, что семья дяди снова собралась в гостиной. С тех пор, как Марика приняла предложение, они каждый вечер возбужденно обсуждали организацию свадьбы.

— Ты иди отдыхай, Наир, — тихо сказала Наиля в коридоре, — а я приберу кухню сама. И не спорь.

Но не успела я и рта раскрыть, как Марика выглянула из гостиной:

— Нира, сюда иди. И ты, Наиль. Мы обсуждаем образы подружек невесты, нужны мерки.

— Я не буду никакой подружкой, — буркнула Наиля. — Можно, я просто буду уборщицей на свадьбе?

— Наиля! — прогремел голос дяди. — Это что за слова?!

Я стиснула зубы и шумно выдохнула, готовясь успокаивать сестру, но Марика вдруг громко заявила:

— И Наира тоже такое лицо делает, будто ее тут говном кормят с самого детства.

— Так, зови Рубена! — рявкнул дядя.

— Я просто после ночного дежурства, — повысила я голос. — Давайте успокоимся. Вы так взбудоражены этими приготовлениями каждый вечер, что и правда не хочется вас отвлекать лишний раз...

— Да, взбудоражены, — язвительно бросила Марика, сложив руки на груди, — это — свадьба! Моя! И можно было бы отнестись к этому с уважением! А не корчить недовольные лица!

— Девочки, ну правда, хватит препираться, и так голова болит, — подала голос тетя Зура из комнаты, — просто пройдите сюда, и я сниму мерки. Все! Выеденного яйца же не стоит ваша ругань!

— Мне еще убраться, — напомнила непреклонно Наиля.

— Давай, это не займет много времени, — попросила ее я.

Сестра насупилась и направилась к тете, я направилась следом.

— Блин, обычная просьба, — ворчала Марика, следуя за нами, — а устроили скандал.

— Я просто не хочу изображать из себя твою подружку на свадьбе, потому что мы не дружим! — возмутилась Наиля снова. — Почему я не могу не идти?

— Потому, что ты — сестра! — вскричала Марика. — Гадость неблагодарная!

Я только вздернула брови от такого поворота и перехватила Наилю под руку, когда та бросилась на двоюродную сестру.

— По-моему, это уже перебор, — возмутилась я, понизив голос. — Наиля может иметь право не хотеть идти на свадьбу. А ты не имеешь права ее за это оскорблять.

— Ну уговоритесь уже, девочки! — возмутилась тетя.

— Я сейчас Рубена позову, чтобы он занялся твоим воспитанием! — возмущался дядя.

— Тетя, давайте мы завтра мерки снимем, — обратилась я к тете Зуре. — Иначе это все плохо кончится...

— Просто вести себя надо нормально! — не унималась Марика.

— Наиль, пойдем, — взяла я сестру за руку и повела из гостиной, игнорируя причитания дяди Ашота.

Изо всех сил.

Потому что перед глазами снова стояла его равнодушная рожа, когда он встретил меня с Рубеном тогда.

Воспитанием он моим занялся...

Мудак...

Взять себя в руки стоило сил.

— Тебе не кажется, что до моего совершеннолетия мы тут не протянем? — поинтересовалась вкрадчиво Наиля, когда я закрыла за нами двери комнаты.

— Мы тут не протянем, если будем позволять им выводить себя на эмоции, — возразила я больше себе. — Делай так, как просят. Представляй, что рисуешь им всем маркером ругательства на лбу и делай. Если сейчас пожалуются Рубену, то ты больше не пойдешь к Яну Денисовичу.

— Пойду. Никто даже не узнает, — возразила она.

— Лучше до этого не доводить.

— А ты хочешь пойти еще раз к нему? — вдруг спросила она.

— Хочу, — призналась я.

— О, он тебе понравился? — оживилась Наиля. — Классный, да? Он тебе подходит, кстати. Такой же красивый, сильный, спокойный... И защитил бы тебя ото всех.

Я усмехнулась и покачала головой. Но, стоя в ванной, я подумала о словах Наили. Да, этот Ян Денисович действительно симпатичный и привлекательный мужик. Но какое-то внутреннее чувство не позволяло думать о нем как-то иначе. Он будто не от мира сего. Я знала, потому что, кажется, была там не раз... Но, если я каждый раз бегу оттуда в страхе, то этот мужчина там живет...

Глава 3

Домой я добрался только под утро.

Неожиданно, но обычный выезд в лес вдруг показался маленьким праздником. Программное обеспечение Кириухи оказалось сырое ровно настолько, насколько я промок, про-

дираясь сквозь кусты и выбираясь из ручьев. Поэтому, огонь понадобился прежде всего для того, чтобы согреться. Ну и, что уж, шашлык тоже был очень кстати. Но, несмотря на сырость, вышло невероятно тепло посидеть с другом.

У Кирюхи в новом мире складывалось далеко не по всем фронтам. С семьей он почти не виделся. Ему было непривычно не делиться с близкими своей жизнью, и от этого сильно страдал.

Когда я вернулся в квартиру, она показалась мне особенно пустой.

Это чувство пустоты было неприятным бонусом к слепоте. Я всю жизнь жил один. И никогда это не было проблемой. Но теперь в одиночестве я повисал также, как когда-то повис в темноте. В такие часы внешний мир, казалось, сгущался вокруг, любой звук казался слишком громким, а ощущения причиняли физическую боль — вода в душе, касание ткани к коже... Мне было то слишком холодно, то чересчур жарко. В итоге, проспав пару часов, я поднялся, позавтракал и направился в спортзал неподалеку от дома.

На улице пахло дождем и сыростью, мусором от ближайших баков и голубиным пометом. Воле подъезда громко ругались. Сначала я понадеялся, что обойду конфликт стороной, но не вышло.

— ... если мы — не новомодный дом, то это не значит, что нам должно жить, как в притоне! — верещала Татьяна Степановна.

Я ее хорошо знал. Она жила подо мной на четвертом этаже. От нее всегда пахло какими-то травяными растирками, кошачьей мочой и нездоровьем. «Темнота» бывает разной. Ее собственная казалась еще более беспросветной, чем моя.

— Да я убрал! — парировал Илья, парень из квартиры напротив.

Ну, как, парень. Ему уже давно больше подходил статус «наркоман и алкоголик». То, что сегодня ночью он его активно подтверждал, слышалось издалека.

— О, Ян! — завидела меня соседка и попыталась привлечь на свою сторону. — Илюшка набросал вчера под лавочкой бутылок и не признается, что его! Развел свинство! Ты давно себя в зеркало видел?

— Я? — скептически уточнил я.

— Нет Ян, конечно я Илью спрашиваю, — смутилась соседка. — Вот посмотри, Илюша, человек незрячий, но как выглядит! Опрятный, подтянутый — загляденье...

— Татьяна Степановна, вы что от меня сейчас конкретно хотите? — холодно поинтересовался я.

— Может, возьмешь Илюшу к себе на занятия? Может, у него мозги на место встанут?

— Не встанут они чужими усилиями, Татьяна Степановна. Пока он сам не осознает.

— Тогда, может, ему по черепку дать? — зашла она с другой стороны.

— Вот за что?! — возмутился Илья.

— За это можно уголовное получить, — спокойно возразил я. — Еще какие у вас ко мне предложения?

— Ой, никакой помощи от вас! — возмутилась она. — Все старикам разгребать! Насрали — разгребать мне. А с вас всех как с гуся вода.

— Если вам нужна помощь в разгребании — я помогу. Но только завтра. Сегодня планы.

— Ой, иди уже! — отмахнулась она.

Тут из подъезда вылетела твякающая псина по кличке Пандора и как обычно бросилась на меня с лаем. За ней выскочила хозяйка и кинулась ее от меня оттаскивать, пока я, как нередко это бывает, не стукну Пандору в нос и та с визгом не откатиться. Не любят собаки оборотней. И чем они меньше и тупее, тем больше не любят.

— Здравсьте, Татьяна Ивановна, — поздоровалась женщина с соседкой, игнорируя Илью.

Я же направился прочь.

— Блин, вот почему-то не любит его моя Пуся, — донеслось до меня. — Не зря же не любит. Ко всем ластится, а к этому прям ненависть питает.

— Да боится она его просто, — авторитетно заверила соседка. — От страха и кидается. Ну а что? Я б не знала, что Ян — хороший человек, тоже б боялась. Да судьба у него тяжелая просто. Собака это чувствует...

Дальше я не слушал. Пошел дождь, настроение испортилось, звуки города почему-то бесили... Вероятно, из-за вче-

рашней прогулки. Наверное, моему зверю было бы лучше в глуши. И мне вместе с ним. Быть может, я бы и привык со временем. Но мне не хотелось.

Когда я уже добрался до зала, мобильный зазвонил.

— Елизавета, — сообщил голосовой помощник.

— Ян, привет, не отвлекаю?

— Нет, Лиз...

— С тобой можно встретиться?

— Конечно. Что-то случилось?

— Есть вопросы. Один из них неприятный. Где увидимся?

— Я в спортзал пришел. Можешь заехать.

— Хорошо, через полтора часа буду.

Когда-то Лиза была моим психотерапевтом. Сегодня мы дружим, но периодически встречаемся на контрольных сессиях. Неприятных вопросов может быть масса. От неудачной терапии моих подопечных до моих собственных нарушений межрасовой этики. Последнее меня беспокоило по-настоящему.

Когда я только принял решение вести групповые занятия, она предупреждала меня быть очень осторожным. Ну и, что рано или поздно проблемы все же возникнут. Быть может, это они...

Лиза встретила меня на ресепшен.

— Ты только не подумай, что я решила тебя за ручку в машину проводить, — смущенно усмехнулась она. — Тут

просто делают шикарный протеиновый коктейль...

Я улыбнулся.

— Думаю, ты привыкла переживать о своих подчиненных внеурочно, — заметил я в лифте. — И даже подсознательно ты пришла обо мне позаботиться. А еще, быть может, ты сильно спешишь, и не планировала тратить время на встречу со мной. Ты думаешь, что с тобой я окажусь в твоей машине быстрее...

Послышался вздох.

— Тебе нужно становиться психологом, Орфеев.

— Хм, то есть, у меня проблемы по межрасовой этике.

Она помолчала.

— Чувствуешь злость на несправедливость, — подсказал я.

— Черт, да, — прорычала она и вышла из лифта, беря меня за руку.

Что ни говори, а это облегчало мне ориентирование в людном пространстве нижнего этажа торгового центра.

— Жалоб не поступало, но службе контроля не нравится, что ты преподаешь детям оборону. Они считают, что ты все равно излишне пользуешься своей второй природой.

— Они правы.

— Нет, не правы, — горячо возразила Лиза. — Да, те, кто не относятся к людям, по закону должны ими казаться. Но ты не выходишь за рамки этого закона. Я хочу предложить тебе собрать комиссию. Пусть они придут на занятие и сами во

всем убедятся — что ты похож на человека даже без зрения! Осторожно, ступенька.

— Спасибо. А это обязательно?

— Комиссия? Я предлагаю это сделать, да. Чтобы они закрыли твоё дело и забыли о нём вообще.

— Просто я не пускаю к себе на занятия зрителей не просто так. Они меня отвлекают. А когда эти из комиссии начнут меня отвлекать, я начну пользоваться своими звериными навыками больше, чем обычно. И получится все наоборот, Лиза.

Она остановилась, встала передо мной и вздохнула:

— Плохо.

— Можно? — улыбнулся я слабо.

— Можно.

Привычная просьба разрешить мне её изучить была нашим обычным ритуалом. Я поднял руки, положил ей на плечи, сжал пальцы...

— Ты сильно напряжена, — нахмурился я и осторожно обхватил её шею, положив большие пальцы на скулы.

— Ты был бы шикарным психологом, Ян.

— Помолчи.

Коснувшись её лица, я «увидел», что она улыбается. Скулы при этом округлились, собирая в уголках губ лучи морщин. Лизе было за пятьдесят, но она была в прекрасной форме — этот вопрос она позволила мне изучить на первом нашем занятии. И сейчас, стоя перед ней, я вспоминал то, что

«увидел» тогда — крепкие тонкие руки, прямую спину... особенно мне запомнился почему-то коленный сустав. Когда я сказал об этом ей, она рассмеялась.

— Много куришь, — заключил я.

— Угу, — смущенно подтвердила она.

— Мало пьешь воды и вообще плохо питаешься.

— Я развожусь, — вдруг сообщила она.

— Не дала мне угадать.

— Прости. Думаю, ты бы разгадал все равно.

— Быть может. — Я опустил руки. — Что случилось?

— У него есть другая.

Я прикрыл глаза, болезненно хмурясь.

— Ты не держишься, — понял я.

— Дай мне время.

— Почему же ты обещала мне, что только одна новость будет неприятная?

— Твой ученик Матвей Лаврентьев вернулся домой к родителям. Они были на общей сессии.

Ах, вот оно что. Матвей уходил жить к бабушке, бесконечно конфликтуя с родственниками. Отказывался учиться, не приходил домой... В общем, переживал яркий подростковый кризис.

— Хорошая работа, — кивнул я. — А ты куда спешишь?

— Никуда. Пошли поедим?

— Ты спешила.

— Я не хочу. Не готова.

Я выжидательно молчал.

— У меня встреча с адвокатом мужа, — сдалась она. —

По разводу.

— Избегаешь?

— Да.

— Хочешь, я поеду с тобой?

Она задышала чаще, слегка шмыгнула носом.

— Хочу, — выдохнула отрывисто.

— Отлично. А потом поедим.

Лиза снова взяла меня за руку, и мы направились к машине.

— Вставай!

Я вздрогнула и подскочила на кровати. Ноздри забило запахами сигаретной воню и дешевого мужского парфюма. Рубен выжидательно замер над моей кроватью.

— Что тебе нужно? — сонно просипела я и огляделась.

Постель Наили была сложена. Сестра ушла в школу неслышно, заботясь о том, чтобы не разбудить.

— Что вы там вчера устроили вечером? — потребовал Рубен, бесцеремонно плюхаясь в центр ее кровати. — Дядя снова жаловался.

— Он постоянно жалуется, — огрызнулась я. — Не врывайся больше ко мне в спальню.

— Собирайся. Уже одиннадцать.

— Я с ночной смены, мне можно поспать.

— У тебя встреча с моим другом. Он скоро приедет. Одевайся прилично и выходи. Жду внизу. Даю тебе полчаса.

Мда, терпеть все это становилось практически невозможно. Наиля права. Мы имеем все шансы не продержаться тут столько, сколько хотелось бы...

Уже стоя под душем, я снова тонула в мыслях о том, куда бежать и где прятаться достаточно надежно, чтобы никто не нашел. Не раз я размышляла о правовой защите, но о каких правах может идти речь, когда мой брат ни черта и знать об этом не хочет? Он скорее убьет меня и Наилю, чем позволит нам освободиться из-под его власти.

Иногда я думала, что мне не справиться с этим миром самой.

Иногда я чувствовала себя такой слабой, что хотелось выть.

Иллюзии — не для меня. Я давно вижу мир в черно-белом. Без прикрас.

— Ты скоро?! — лязгнул голос брата за дверью.

Я вздрогнула и выключила воду.

— Сейчас! — выкрикнула раздраженно.

В кухню я спустилась с мокрыми волосами, собранными в хвост, в спортивном костюме и с усталой физиономией.

На кухне ждала тетя Зура, брат и незнакомый мужик.

Господи, ну что за прелесть брат мне притащил? Сколько ему лет? Пятьдесят, что ли? Тощий, небритый, а когда улыбается — светит сплошь золотыми зубами. И где мне сейчас

взять максимальную концентрацию «покер фейс» в крови, чтобы это все выдержать?

— Наира, — величественно возвел руку в мою сторону Рубен, — познакомься, Заур, мой компаньон.

Меня всегда удивляло, как столь слабые интеллектом личности вдруг оказываются заняты в каком-то бизнесе. Хотя, с бизнесом брата все понятно — он собрал вокруг себя сплошь ворюг и бандитов. Не до интеллекта. Других в его «бизнесе» не водилось. И этот его компаньон больше похож на пациента наркодиспансера. На лицо — явная проблема с айкю, взгляд какой-то придурковатый, масляный. Одет безвкусно, небрежно...

— Наира, проходи, садись, — кивнул Рубен мне на стул.

— Наирочка, про мерки не забудешь? Я у Наили сняла уже, — мягко обратилась ко мне тетя. Смотрела при этом сочувствующе.

— Спасибо, тетя, — улыбнулась я ей, чтобы мышцы лица хоть немного ожили.

— Привет, Наира, — подал голос «компаньон», и меня снова передернуло.

— Здравствуйте.

Плохо. У меня ни черта не получалось соорудить хоть толику дружелюбия.

— Как дела? — продолжил расспросы он.

— Хорошо. Ваши? — меланхолично поинтересовалась я.

— Да отлично все, — глупо улыбнулся он. — Вот с Рубе-

ном зашли кофе попить. Мы давно друг друга знаем, чуть ли не со школы. Он у тебя вап-ше красава... Настоящий мужик!

Дальше я не слушала, отвлекаясь на мысли о том, как закончится это утро, и я улизну в гараж, соберусь и поеду успокаивать нервы на скорости сто восемьдесят...

— Наира, — нетерпеливо рявкнул вдруг Рубен.

— А? — моргнула я.

— Заур спрашивает, может ли встретиться с тобой еще? Ты спишь что ли?

— Да какие ее годы, — вступился за меня Заур, — ей шас только и спать... Это мы с тобой пахать должны.

— Ну, Наира много работает, — пафосно возразил Рубен. — Она не привыкла на шее у мужика сидеть.

— Я просто устала, — спокойно возразила я. — Не возражаете, если я себе кофе сделаю пока?

— И Зауру сделай, — приказал Рубен. — Да и я буду.

— Хорошо.

Отвлекаться от них стало проще, когда я занялась приготовлением завтрака. Тем более, что со мной особо разговора не клеилось. Заур тужился на какой-то более-менее адекватный диалог, но сдался, и они с братом начали обсуждать дела.

— Какой вкусный кофе! — восхитился он, когда я поставила перед ним чашку.

— Наира отлично готовит, — вставил Рубен. — И кофе варит вкусный.

Мой взгляд дрогнул, и я протерла глаза, чтобы меня не разнесло в стеклянную пыль от напряжения. Господи, ну что за идиотизм? Он что, впаривает меня другу, как уцененный товар?!

— Тебе плохо? — насупился Рубен.

— Голова болит, — соврала я и потерла виски.

— Таблетку выпей.

— Или кофе, — вставил Заур и добавил авторитетно: — Кофе очень хорошо помогает от головной боли, знаешь же, да?

— Не всем, — не сдержалась я.

— Наирка у меня врач, — усмехнулся Рубен.

— Я не врач, Рубен, — огрызнулась я, чувствуя, что теряю контроль. — Я просто медсестра.

— С тебя хватит, — возразил он. — Женщина больше и не должна знать.

— Женщина должна знать столько, сколько хочет, брат, — осадил его великодушно Заур, явно рассчитывая заработать очки.

— Зря ты так думаешь, — презрительно усмехнулся брат, поглядывая на меня, — а то потом еще и тебя учить начнет.

— Я бы не отказался, чтобы меня поучили, брат. Я же тупой как осел.

Я усмехнулась. Кажется, Заур начинал мне нравится.

— Че ты ржешь, — грубо одернул меня Рубен. — Посуду помой лучше.

— Не груби сестре, братан, — неодобрительно покачал головой Заур. — Она у тебя умница, медсестра, людям помогает. Хорошая девочка. Не обижай.

— Хорошо-хорошо, брат, — отмахнулся Рубен, вскидывая руки.

Но когда Заур ушел, вернулся в кухню и набросился на меня, схватив за плечо:

— Ты что себе позволяешь?! — зашипел в лицо. — Что ты ржешь?!

— Я не ржу, — спокойно возразила я. — А вот ты вел себя со мной грубо при друге. Он тебе и сам замечание сделал.

— А ну рот закрыла! Я тебе покажу, как надо встречать мужчин в доме! — И он дернул меня со всей силы за руку так, что я едва не развернулась и не засадила ему в челюсть. Ситуацию спасла тетя Зура. Она Зура ворвалась в кухню и налетела на Рубена, как курица, защищая цыпленка:

— А ну отпусти ее! Ты чего?! Отпусти ее, говорю! Что ты как зверь на нее бросаешься?! Нормально все было! Ничего она такого не сделала!

Рубен выпустил меня и молча покинул кухню, а тетя осмотрела мне руку, ворча:

— Вот изверг. Но ты не обижайся, девочка. Рубен нервный сейчас, не клеится у него там что-то по делу.

Я молчала, сцепив зубы.

— Мерки пойдем снимем?

Я кивнула.

Как добралась до гаража — помнила плохо. Стоило только выйти из дома, показалось, что уже не смогу заставить себя вернуться обратно. Час я от души молотила грушу, подвешенную в центре гаража, выпуская пар. Потом отдышалась, нацепила экипировку и вывела мотоцикл на улицу.

Холодало.

Подумалось, что еще месяц, и я не смогу сбежать на мотоцикле куда-то, если вдруг припечет.

Но и горячку пороть не хотелось, это никогда не доводит до добра. Сейчас с катушек явно срывает Рубена. Что там у него, интересно, происходит?

— Ян Денисович, сестра немного опоздает. Пишет, что попала в пробку, но скоро будет, — виновато сообщила мне Наиля, стоя у входа. — Могу я?...

— Да, конечно, — кивнул ей я, — переодевайся первая, мальчишки ждут.

— Спасибо! Я быстро.

Она шмыгнула в раздевалку вдоль стенки, а я направился к скамейке ждать, пока все соберутся. От Лизы пришло новое сообщение.

«Ян, спасибо тебе большое за сегодня. Я так понимаю, что по комиссии у нас «отбой»?»

— Пока отбой, да. Если прижмут, буду думать, — записал я голосовым.

«Принято», — ответила Лиза, а я услышал, как из разде-

валки вышла Наиля.

Мальчишки сразу втянулись в опустевшую комнату, и в зале стало тихо.

— Наиля, подойди, пожалуйста, — повысил я голос. — В чем ты сегодня?

— Моточерепаха на футболку, — затараторила та с готовностью, — спортивные штаны и кроссовки.

— Руки свободны?

— Да, я отстегнула рукава.

— Хорошо. Удобно?

— Да.

— Когда-нибудь занималась боевыми искусствами?

— Нет.

— А почему вдруг захотела?

Ее бодрые ответы прервались. Послышался тяжелый вздох.

— Мне хочется уметь себя защитить, — ответила она тихо. — И сестру тоже.

— Я бы хотел знать — у вас есть реальная угроза того, что может понадобиться навык самозащиты?

— Я не хотела бы отвечать на этот вопрос.

— Значит, да.

Наиля молчала.

— Хорошо, когда мальчишки построятся, становись за ними. Разминка у нас общая.

И тренировка пошла своим чередом. Я сосредоточился на

детях, потихоньку вплетая в общую картину новенькую — ее звуки, запахи, эмоции... Она так старалась, чтобы у нее все получилось, что ее было даже слишком хорошо «видно» на общем плане.

А потом случилось что-то, чего я никак не ожидал. Сначала я подумал, что со мной что-то не то. Недосып, тяжелая тренировка утром в зале, перенапряг чувства с новенькой... В голове немного загудело, а потом будто глухо застучало. Как сердце. Я не слышал звук, я его чувствовал. А потом этот звук вдруг обратился в еле слышные шаги.

Вот как, значит...

Наира вошла в зал тихо, скользнула вдоль стенки и, выбрав время, поздоровалась. Я кивнул в ее сторону, продолжая объяснять технику. Но моя внутренняя картинка вдруг «пошла рябью». Показалось, что я нахожусь в аудитории, из которой постоянно уходят слушатели. Слова бьются о стены все звонче, не находя никакого препятствия, и я остаюсь лишь с одним человеком в большом пустом пространстве...

— Вопросы есть?

— Нет, тренер! — отозвались ребята.

— Пробуем! — И я хлопнул в ладоши. — Наила становится со мной...

Я попросил девочку пока присесть, а сам пошел в «обход» — проследил за работой каждой пары, прокомментировал ошибки, возвращая себя каждого ученика «в аудиторию». Кажется, получилось. Но происходящее не нравилось.

Что же меня так «выбрасывает» из ощущения реальности, стоит появиться этой девушке? Удовлетворенно кивнув, я вернулся к Наиле с объяснениями азов. Наира затихла, будто растворившись в зале. Не двигалась, дыхания я тоже не слышал... может, смотрела за происходящим?

Как бы там ни было, до конца занятия контроль остался при мне.

Когда Наиля отправилась в раздевалку, Наира подошла ко мне:

— Здравствуйте еще раз, — смущенно подала голос.

А меня неожиданно будто окатило волной, сбивая с ног. Информация — запахи, звуки, из которых в мой мозг будто полились эмоции... и я схватился за стенку.

— Ян!

Я тяжело сглотнул, обнаруживая, что Наира держит меня под руку.

— Ян, вам плохо? — беспокоилась она. — Сядьте. Садитесь!

Ого, как она командует... Ноги едва не подогнулись сами от ее голоса, как у собаки от команды «сидеть». Ну и дела, блин!

— Нет, со мной все в порядке, — хрипло возразил я, но на моем запястье уже лежали холодные пальцы. Потом они взметнулись к шее, совершенно меня обезоруживая.

— Сто шестьдесят, Ян, — сообщила Наира решительно. — Я вызываю неотложку.

— Не нужно, — твердо возразил я, едва отыскав в себе способность ей противоречить. — Со мной все в порядке.

— Мужчины склонные недооценивать свои проблемы со здоровьем, — возразила она.

Мимо нас уже потянулись мальчишки на выход, прощаясь, а Наира, пользуясь тем, что я отвлекся, снова взялась считать мой пульс на запястье.

— Семьдесят, — выдала растерянно. — А вы проверяли сердце?

— Я контролирую свое здоровье, но спасибо за беспокойство, — огрызнулся я, забирая у нее руку.

— Ладно.

Она, кажется, сделала шаг назад, а я выпрямился.

— Как Наиля? Нормально? Получается? — поинтересовалась спустя небольшую паузу.

— Слишком много вопросов для одного занятия, — хмуро заметил я.

Наиля тоже проскочила мимо нас и сказала, что подождет сестру на улице. С чего бы?

— Ладно, спасибо большое, — мягко прозвучал голос Наиры. — Для нее это многое значит.

— А для вас? — вырвалось у меня.

— Что вы имеете ввиду? — растерялась она.

— Меня тревожит то, что для нее много значит возможность научиться себя защищать...

— Мы же с вами это уже обсудили... — начала она.

— Ну вы же только что боялись дать мне умереть от неполадок с сердцем, — возразил я. — Вот и я когда вижу неполадки по своей части, тоже... пытаюсь прослушать пульс, образно говоря. Потому что факт посещения таких занятий дает человеку иллюзорную силу. Пока она перерастет в реальную, проходит много времени. Думаю, вы это знаете. И это может добавить проблем...

— Я присмотрю за ней, — холодно ответила Наира. — Спасибо, Ян Денисович.

— Надеюсь, вы придете на следующее занятия? — напрыгся я.

Потому что, если не придет, боюсь, мне придется ее искать...

— Конечно. До свидания.

— До свидания.

Глава 4

— Ну что-что? — затараторила Наиля, когда я вышла. — Что сказал?

— Так, ничего особенного... — попыталась уклониться я от разговора. — Поехали.

— Наир, ну он же классный...

— Да, классный. Где твоя балаклава?

— В кармане, — семенила за мной сестра. — Что он тебе сказал?

— Что тебе надо меньше ему рассказывать что-либо, —

огрызнулась я.

— Он так не говорил, — насупилась она.

Я подошла к мотоциклу и сняла рюкзак.

— Он переживает за тебя, — посмотрела я на нее прямо.
— А я не хочу, чтобы у нас стало больше проблем. И ему они не нужны. Но он — настоящий мужчина, хоть и слепой. И надо его как-то убедить, что у нас все нормально. Чтобы вопросов больше не задавал...

— Наир, он — не идиот, — неожиданно взросло возразила сестра. — Девочки просто так не орут при первой встрече, что им нравится уметь себя защищать... Но я побоялась, что он откажется. Сознательно манипулировала.

— То, что ты у меня такая умная — это здорово, — усмеялась я. — Но ты доманипулировалась. Он переживает.

— Может, поговорить с ним откровенно? Что, да, у нас проблемы, но ему лучше не влезать...

— Вряд ли это сработает. Ну, ладно, надевай шлем и полей. Сегоднѳ нарушѳем правила...

— Я выгляжу старше, — выпятила грудь она.

— Да-да, — улыбнулась я и натянула шлем.

— А ты потом катать?

— Угу.

— Возьми меня, а?

— Нет.

— Наир...

— Нет, — отрезала я. — Никогда.

— Вот вырасту, куплю себе тоже мот, — бубнила она.

— Вот тогда и поговорим.

Я завела свой мотоцикл и опустила визор. Наиля уселась позади, и мы неспеша выехали с парковки...

Я всегда тряслась внутри, когда она ехала со мной. До дома здесь не далеко, дорога не загружена, и все равно я очень боялась. Но сознательно допускала эту ситуацию, чтобы учиться брать себя в руки. Однажды мне может придется убежать с ней именно так, и понадобится быть собранной, как никогда. Трясущиеся руки — не вариант. И я сознательно заставляла себя принять эту ситуацию и побороть страх.

— Как не хочется домой... — тихо проскулила Наиля, когда я заглушила мотоцикл и вышла из гаража, чтобы проводить ее.

Я молчала некоторое время.

— Когда-то это все будет позади, — взяла ее за руку. — Наберись терпения. Пусть это будет самым сложным в нашей жизни...

— Хорошо.

Мы распрощались у дома, и я поспешила обратно в гараж, натянув капюшон до самого подбородка. Больше всего на свете я боялась, что Рубен с дядей узнают о мотоцикле и обо мне и отнимут эту мою вторую жизнь, которая спасала от всего. Я вдруг обнаружила, что уже какое-то время стою рядом с гаражом и смотрю на него, опасаясь войти. Дыхание сбивалось, в груди все дрожало от страха — так живо я пред-

ставила эту вероятность.

Но мне играло на руку то, что им никогда бы и в голову не пришло, что я на такое способна. Рубену, по сути, плевать, он беспокоится только о себе. И пока я кротко существую рядом, он ничего не заподозрит. Но если он снова распустит руки...

Я решительно тряхнула головой и шагнула к гаражу. А уже через пятнадцать минут летела на мотоцикле по ночным улицам. Страх отступал, чувство свободы врывалось в легкие вместе с дыханием и заполняло грудную клетку радостью. Все дерьмо оставалось позади.

Хоть на какое-то время.

Когда мотосезон заканчивался, становилось особенно тяжело. Осенне-зимняя хандра брала свое. Когда-то я срывалась, спасаясь в объятьях малознакомых мужчин и пагубных привычках. Но чувство ответственности за сестру довольно быстро отучило меня от саморазрушения. Сначала поставлю ее на ноги. А потом — посмотрим. Ездила я осторожно, без дурасти. И компания у меня подобралась такая же — взрослые состоявшиеся люди с семьями и ответственностью. Была парочка сорвиголов, но мы надеялись, что наш пример их вдохновит.

На привычной точке сбора были уже почти все. Тимур был самым старшим — около пятидесяти ему. Лев и Енисей — те самые двое подопечных с придурыю — тоже. Марина подъехала следом за мной. Единственная девушка в компа-

нии помимо меня, она была чуть старше, разведена недавно, воспитывала двоих сыновей одна.

Оставалось дожидаться Самвела, но он предупредил, что опоздает — ехал с другого конца города с работы.

«Не спеши только», — привычно попросила я.

Но он наверняка спешил. И в такие моменты я очень боялась за него. Приходилось напоминать себе, что, в отличие от Льва и Ени, Самвел очень хорошо и круто водил. Он учил меня после мотошколы в мой первый сезон, и это были самые лучшие дни в моей жизни. Иногда я думала, что хотела бы вот такого старшего брата, как он. При мысли о том, что мы увидимся сегодня, меня заполняло радостью.

В общем, я не боялась показывать здесь лицо. Эти люди были со мной уже несколько лет, знали обо мне многое. Как и я — что им можно доверять. Встречи с ними были моим глотком воздуха.

— Наир, давай в кафе? — крикнул Еня.

— Я Самвела подожду, — ответила я.

— Когда вы уже поженитесь? — рассмеялся он и поспешил в тепло к остальным.

Я же закатила глаза и поежилась. Черт, ощутимо похолодало. Еще месяц, и придется загонять мотоцикл на зимовку. Надо будет как-то пережить это время...

Я облокотилась о бензобак и принялась провожать взглядом машины. Мысли скакали от воспоминаний о прошлой зиме к в общем-то неплохому последнему лету... А потом я

обнаружила, что вспоминаю сегодняшнюю тренировку Наи-
ли. И Яна.

Я задержала дыхание при мысли о том, через что он про-
шел, пока смирился и продолжил жить. Интересно, что с ним
произошло? И как он достиг того, что может тренировать
зрячих детей? Как он справляется с постоянной темнотой? А
как он живет? Один? Или у него есть семья... или девушка...

Я снова зябко поежилась и подумала, что не смогла бы
смириться с потерей зрения. Это же никогда больше не сесть
за руль мотоцикла... С губ сорвался смешок, а потом я по-
няла, что мне повезло гораздо больше, чем Яну. Я могу ви-
деть. И решать. И живу так, как считаю нужным, несмотря
на то, что со мной произошло. Шрам на лице — сущий пу-
стык по сравнению с невозможностью видеть.

— Наир, я тебе кофе взял. — Ко мне подошел Тимур. —
Холодно уже.

— Спасибо.

Я стянула перчатку и взяла из его рук стаканчик.

— Как твои дела?

— Хорошо все, спасибо, — улыбнулась я. — Ты как?

— Пучком.

Тут из потока отделилась одинокая фара и направилась в
нашу сторону.

— О, а вот и король, — усмехнулся Тимур и махнул ру-
кой. — Красавчик...

Я с облегчением улыбнулась. Страх потери дорогого че-

ловека порой изматывал. Я до дрожи боялась остаться в одиночестве, предпочитая оставаться одинокой изначально. Но у меня есть сестра, и ее из сердца не выпишешь. И не только ее...

— Привет, малышка, — улыбнулся мне Самвел, слез с мотоцикла и подошел ближе. — Как дела?

— Хорошо, — просияла я, когда он притянул меня к себе и обнял. — Ты не быстро летел?

— Низко-низко, — широко улыбнулся он и протянул руку Тимуру.

А меня затопило счастьем и предвкушением. Уже через несколько минут звучание двигателей пустило адреналин по венам, и я привычно отыскала взглядом Самвела впереди. В динамике гарнитуры в первые секунды установления связи затараторили Еня слевой, но Самвел рывкнул на них, и парни, наконец, заткнулись. Я второй с заправки, прижалась ближе к баку и добавила газу...

Сердце заколотилось в груди, губы растянулись в улыбке, и я с упоением погрузилась в любимую стихию...

Только радость оказалась недолгой. На следующем светофоре в моем мотоцикле что-то щелкнуло, и он отказался ехать. Я растерянно округлила глаза, дергая сцепление — ничего! Сзади кто-то начал сигналить, я огрызнулась, всплеснув рукой.

— Мелкая отстала! — послышалось в динамике.

— Наира, что у тебя? — услышала я голос Самвела.

— Я не знаю! — растерянно крикнула я, тяжело дыша. — Не едет!

— Не дергай! Включай аварийку, чтобы не снесли! Разворачиваемся!

Я слезла с мотоцикла, тревожно оглядываясь. К счастью, все обошлось, и я благополучно оттолкала свой мотоцикл к обочине при первой возможности. Но меня все равно мелко трясло, пока я беспомощно ждала друзей. Пешеходы на светофоре с интересом главели на меня, тут же равнодушно устремляясь мимо на зеленый.

Самвел оказался рядом первым.

— Цепь порвалась, — заключил он, осмотрев мотоцикл.

— Да блин! — вырвалось у меня.

— Тебе повезло, что цепь оторвалась не на ходу. Поменяем, не проблема, — заверил он меня и опустил взгляд в мобильный. — Сейчас вызову эвакуатор и отвезу к своим ребятам...

— Самвел, я сама, — начала было я, но он только отрицательно качнул головой:

— Тихо-тихо, просто успокойся и расслабься... Да, Дим, привет! Ты свободен?

Через полчаса я провожала взглядом свой мотоцикл, который увозили эвакуатором. Остальные разъехались по домам, отказавшись кататься без нас. Самвел собирался отвезти меня домой.

— Завтра привезу тебе как нового, — заключил он и кив-

нул мне на заднее сиденье своего мотоцикла, — всегда хотел покатать тебя «двойкой».

— Так вон оно что, — усмехнулась я. — Наколдовал!

— Не расстраивайся. Ты не расстроилась?

— Ты же все решил. Поэтому, нет.

— Ну, вот и отлично. Садись.

— Как дети? — спросила я, обнаруживая, что нервничаю.

— Нормально. Зорянка вот только подралась в школе с каким-то недоумком, который обижал младших...

— Ничего себе...

— Ну, я научил давать сдачи. Вот она и дала. А как еще в современном мире выжить?

— Не поспоришь...

Дорожные огни замелькали слева-справа, и я вцепилась в Самвела крепче.

— Ты чего, я ж не быстро...

— Нормально я, не обращай внимания, — хрипло отозвалась я.

— Что там твой брат? — поинтересовался он в ответ.

Самвел был единственным, кто знал обо мне больше других. Я делилась с ним, что у нас сложные отношения с братом. Но не говорила, насколько. Мне иногда хотелось с кем-то это обсудить, потому что в одиночку временами выносить это все не было сил.

— Бушует, — уклончиво отозвалась я. — Решил меня замуж выдать...

— Дурак что ли?

— Ты прямо как врач — сразу диагноз поставил. Рубен у меня обижен интеллектом, да.

— Так и что?

— Да ничего. Приводил друга своего, знакомил...

— Блин, ну дает! И как?

— Ну, он немного умнее брата. Но на этом — все. — И я рассмеялась.

Самвел веселья не разделил.

— Наир, ты, если что — всегда обращайся, поняла? — серьезно потребовал он. — Если допечет тебя, собирай вещи и вали. Пристрою. Все решим.

— Спасибо, родной, — улыбнулась я.

— Я серьезно, — не спешил принимать он благодарность.

— Я знаю-знаю. Буду звонить, если что.

— Молодец.

До моего гаража мы еще много всего обсудили — как проведем закрытие мотосезона, как будем коротать зиму... В общем, дорога до дома показалась слишком быстрой.

— Я никогда так быстро не доезжаю, — веселилась я. — Ты превышал.

— Немного, — улыбался он. — Ну, давай...

И он притянул меня к себе и обнял.

— Завтра позвоню.

— Хорошо.

— Пока-пока...

Я дождалась, когда звук мотора мотоцикла стихнет и зашла в гараж, тут же замирая от чувства холода, которым медленно заполнялось все внутри. Иллюзия счастья наоборот — медленно выходила из тела, будто кровь из пореза, уступая место реальности — суровой и пугающей.

Но так было всегда. Не впервой. Вместе с мотокостюмом я привычно стянула кожу своей второй ипостаси — счастливой и свободной, и снова стала серой пугливой мышью...

Занятия в старшей группе проходили для меня сложнее. Взрослые реагируют быстрее, многие из них — состоявшиеся спортсмены. И, хоть группа была небольшой, я выматывался за тренировку подчистую. А еще меня не покидали мысли о том, что сказала Лиза. Если у меня заберут возможность тренировать — что мне делать?..

Когда-то комитет по трудоустройству и поддержке предложил мне работать вахтером. Я усмехнулся. Мда, большего унижения и представить сложно. Слепота едва не лишила меня контроля за своей жизнью, но не до такой степени, чтобы валяться под забором и кланчить подачки.

— Ян Денисович, до свидания! Спасибо большое за тренировку!

Я кивнул...

И замер, оглушенный осознанием, что рядом кто-то есть. И это кто-то — невероятно опасен. Нет, я ничего не услышал и не почувствовал запаха. Это было шестое чувство — осо-

знание близкой угрозы, которая просто повисла в воздухе. Я подобрался и выпрямился на скамейке, продолжая прощаться с учениками. Когда раздевалка опустела, и повисла, казалось бы, непроницаемая тишина, я, наконец, уловил присутствие чужака поблизости.

— Все жду, когда ты поздороваешься, — прозвучал глухой голос, и я сжал зубы.

А вот и еще претендент на мою свободу. Или жизнь? Добегался я, выходит?..

— А ты меня сразу засек, — довольно усмехнулся Прайм и прошел в зал, предварительно сняв обувь. — Интересно, о чем думаешь?

Я молчал. В памяти рисовался образ прежнего Прайма, каким я его знал пять лет назад. Высокий, пугающий, настоящий мастер и элитный наемник... У моего зверя в его присутствии всегда дыбился загрибок от страха. Зачем он тут?

— Знаешь, я всегда хотел быть как ты, Орфей, — спокойно продолжал Прайм, присаживаясь на скамейку всего в метре от меня. — У тебя дар — знать и видеть все и всех... Я тебе завидовал. И продолжаю...

— У меня нет настроения на долгую ностальгию, — огрызнулся я глухо.

Он вздохнул. Тяжело. Будто устал. Или заболел? Я ловил и цеплялся за каждый шорох, вздох, раскатывал слышимый запах на языке и продолжал искать слабину. Может, мне не стоит так быстро сдаваться? Оружия у него при себе нет...

похоже, вообще никакого...

— Хорошо. Тогда скажу прямо — хочу тебя назад.

— Я думал, что это я ослеп, — бросил я с усмешкой. — А не ты.

— Есть сведения, что со слепотой ты стал лишь лучше...

— понизил он голос.

Да, когда оступаешься — все равно оставляешь следы.

Когда я ослеп и выпал из дверей реабилитационного в неприветливую новую жизнь, наделал глупостей поначалу...

— Я знаю, что ты брал заказы, — продолжил он, подтверждая мою догадку.

— Это была дерьмовая идея, — процедил я.

— Не скажи. Ты в одиночку уложил два десятка наемников...

— В горах, — перебил его я. — Я хоть и слепой, но все еще зверь...

— Ты — все еще один из лучших.

— Нет, — рявкнул я.

Повисло молчание.

— Знаешь, о тебе ведь ползут слухи... — вкрадчиво продолжил он. Слышал по голосу, что крутит головой, осматриваясь. Прикидывает, как меня тут угробить по-тихому за отказ? — Мило у тебя тут. Уютно. Но слухи, знаешь ли... Они же могут не только до меня дойти. А о тебе помнят. Многие. Кто-то, возможно, и просить не будет, не то, что я...

Под его пальцами зашуршали мои визитки, лежавшие на

краю скамейки. Он достал мобильный, набрал мой номер и сбросил звонок, дождавшись первого гудка.

— Набери меня, как подумаешь. Не спеши отказываться. Я не обижу, Орфей. Уж не знаю, что тебя еще держит в этой жизни, но я бы дал тебе то, что нужно для более достойного существования. И защиту. Никаких грязных дел...

— Ты и я всегда были вне закона.

— Мы были хорошими парнями, ими и остались. А закон просто связывает руки.

— Я не хочу больше убивать, Прайм. Пусть и тех, кто этого заслуживает...

Он поднялся и сделал разделявший нас шаг, опускаясь в моих ногах.

— Ты же зверь, Орфей, — усмехнулся, разглядывая меня. — Если не ты, то убьют тебя. Прошрое так просто не забыть. Да и... нужно ли? Уверен, еще чуть-чуть, и комитет прикроет твою светлую надежду быть хорошим и полезным другим. И тебя снова посадят работать вахтером в общественном туалете. Правда этого хочешь? Неужели смиришься с таким концом?

Мда, зря я решил, что он пришел без оружия. И прибежался он зря. Прайм подготовился. Выяснил обо мне все, что смог, прежде чем заявиться лично. И то, что я дрогнул внутри, он тоже почувствовал. Еле заметный довольный кивок я уловил.

— В общем, подумай. — Он поднялся и медленно напра-

вился к выходу. — Рад был тебя повидать... Думаю, в глубине души ты тоже.

Когда он ушел, я поднялся и пошел вдоль стенки в раздевалку. Вроде бы все как всегда — привычный вечер, спертый воздух зала, пропахшего потом, легкая нервная дрожь от мыслей о предстоявшей дороге домой...

Но все поменялось. Стать прежним и таким же значимым, как и раньше — заманчиво. Я же знаю, что по-прежнему один из лучших. Я мог бы вернуть себе ту жизнь, в которой было столько удовлетворения... бессмысленного и беспощадного темного удовлетворения зверя, выходящего на охоту...

Но прежняя жизнь ясно дала мне понять, что этот путь — вникуда. Мне понадобилось ослепнуть, чтобы это увидеть. Я просто хотел, чтобы меня оставили в покое. Но, видимо, не оставят...

Глава 5

«Малышка, сегодня не получится тебе привезти мот — цепь не приехала. В течение пары дней, надеюсь. Прости, что подвожу».

«Ты — самый лучший, Сама. Ничего ты меня не подводишь! Спасибо тебе большое!»

Я вздохнула и подняла взгляд от мобильного на происходящее в зале. Наиля уже переделалась, и они о чем-то говорили с Яном. Он периодически касался ее плеча, что-то объяснял,

а она сосредоточенно кивала. Я улыбнулась ей ободряюще, когда мы встретились взглядами.

Вообще, настроение было хорошим. На работе без происшествий и дополнительных смен, дома тоже стало спокойней. Может, тетя Зура немного осадила свою семейку, но меня последние дни вообще никто из них не трогал. И это снова дало надежду, что, может, все уляжется, и мы переживем зиму нормально. Рубен не заикался больше о друге, да и дома появлялся редко, что радовало еще больше.

Сначала я устроилась удобнее и принялась мечтать о дне, когда Самвэл вернет мотоцикл, и мы еще погоняем перед холодами. Но вскоре все мое внимание снова устремилось на Яна. Я не могла оторвать от него взгляд всю тренировку. Черт, сколько силы в нем! Он — в идеальной физической форме, невероятно собран, сосредоточен...

Как он смог так после всего, что с ним произошло?

И снова я принялась сравнивать его с собой. Изуродованное лицо и потеря родных лишили меня жизни надолго. Я превратилась в тень. Надо мной издевались в школе дети, жалели учителя. И все это казалось нескончаемым кошмаром. И только, когда я отважилась пойти против запретов семьи и получить права на вождение мотоцикла, я почувствовала, как возвращаюсь к жизни. И то, я вынуждена прятаться, врать, отрывать у себя куски жизни в обмен на безопасность... Я все та же тень по сути. Мне не хватило смелости бросить всем вызов и отвоевать свою жизнь полноценно. И

план у меня — бежать. А Ян не бежит. Он не мечется, и настолько спокоен и уверен в себе, что, кажется, время его просто обтекает, события — не тревожат. Когда он медленно ведет рукой по воздуху, объясняя физику тела, у меня пересыхает во рту...

— На сегодня все, все свободны, — хлопает он в ладоши, и я вздрагиваю, будто выпадаю из транса. — Наиля переодевается первой.

Сестра довольно поскакала в раздевалку, и я проследила за ней. Ребята окружили Яна, как и на прошлой тренировке, но он вдруг извинился и... направился ко мне.

— Наира? — позвал, остановившись в паре шагов.

— Я здесь, — подскочила я и подала ему руку, забывшись.

— Ой, простите...

Но он неожиданно схватил и сжал мою ладонь:

— Составишь мне компанию в спарринге?

— Сейчас? Хорошо. Только... у меня одежды нет...

— Ну, может, в следующий раз принесешь одежду? А сейчас — в чем есть.

— Ладно.

Он кивнул и вернулся к ребятам, а я опустилась на скамейку, переводя дух.

— Ян предложил мне спарринг, — сообщила я сдавленно сестре, когда она вышла.

— Ух ты! — просияла она. — А можно посмотреть?

— Наверное, — смущенно прошептала я.

— А чего ты?.. — и она присела рядом. — Круто же?

— Не понимаю пока, зачем ему это... — смущенно кусала я губы.

— Может, хочет пригласить тебя в старшую группу?

— А такая есть?

— Да, они занимаются в другие дни.

— Он и тебя не хотел брать...

— Взял же, — выпятила она грудь. — Может, я настолько хороша, что он понял — ты еще лучше.

Я фыркнула и закатила глаза, улыбнувшись.

Прощавшись со всеми, Ян направился ко мне:

— Наира?

— Иду.

Я совершенно растерялась. Сердце заколотилось в груди так, будто бы я должна впервые сесть за руль мотоцикла. Стянув носки, я направилась к Яну босиком, и он безошибочно повернулся ко мне.

— Подойди, пожалуйста. Я коснусь сейчас тебя, чтобы определить рост, — сообщил он и положил мне руку на плечо. Задержался на какое-то время, сжал пальцы сильнее. — Что тебя заставляет сейчас так нервничать?

— Я вас боюсь, — и я усмехнулась.

Он убрал руку.

— Почему? — спросил серьезно.

— Не знаю.

— Интересно, — и он улыбнулся. — Я не причиню тебе

вреда. Не веришь?

— Наверное, я просто не могу понять, как мы будем заниматься.

— Ну, все когда-то бывает впервые, — заметил он и вдруг смущенно улыбнулся. — Мне тяжело выходить из образа сэнсэя, прости...

Улыбка у него оказалась такая притягательная, что мне стало как-то совсем нехорошо... Будто бы он мог меня видеть.

— Ну, так и не выходите.

— Я не предлагаю тебе обучение, — отрицательно качнул он головой и сделал от меня шаг. — Попробуй напасть. Не бойся. Боишься, что сделаешь мне больно, может?

— Точно нет, — мотнула я головой, медленно расставляя ноги и поднимая кулаки к лицу. — Я уверена, что у меня нет шансов против вас...

Мы неспеша пошли по кругу.

— Ты сейчас усыпляешь мою бдительность? — усмехнулся он.

— Мне почему-то очень тяжело на вас напасть, — призналась я.

— Страшно?

— Наверное...

— Может, нужно попробовать побороть страх? Давай тогда нападую я?

И он сделал неожиданный выпад прямо мне в лицо. Я

вскинула руки, защищаясь, отступила и провела серию ударов по его ноге. Пульс затрепыхался в горле, дыхание набрало обороты, и я сжалась пружиной. Захотелось извиниться, но Ян вообще не особо шелохнулся от моих ударов. А вот я, кажется, прочувствовала железо, из которого были сделаны его ноги, блин...

Следующий выпад сделала я... и в мгновение ока оказалась прижата к нему спиной.

— Спорим, ты смотрела только туда, куда била? — усмехнулся он мне на ухо. — Но из нас двоих слепой — я. А тебе лучше смотреть на всего меня...

— Угу, — ошалело выдавила я, и он выпустил, позволяя мне выпрямиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.